

За дальнейший расцвет культуры народов СССР, за новые успехи советской науки, техники и искусства!

ПРОЧЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НОЯБРЬ
7
ПОНЕДЕЛЬНИК
1938 год
№ 61 (768)
Цена 30 коп.

Да здравствует
XXI
годовщина
Октябрьской
социалистической
революции
в СССР!

Под знаменем партии Ленина—Сталина

Сегодня советский народ празднует двадцать первую годовщину своего освобождения. Двадцать один год тому назад свершилось то, о чем мечтали на протяжении десятков лет самые светлые умы человечества.

«Увижу ль, о, друзья, народ неуниженный?» — спрашивал Пушкин в душевое николаевское время. Эта страстная мечта увидеть народ свободным двигала всеми передовыми людьми, она воодушевляла их на героические подвиги, она согревала их в условиях суровой царской каторги, она раздвигала серые и темные стены казематов и тюрем. История работала для дела свободы. И когда на сцену вышел передовой класс — рабочий класс России, когда во главе его стала партия Ленина—Сталина, вооруженная величайшей теорией — марксизмом-ленинизмом, победа революции была обеспечена.

Павел Власов, герой бессмертного горьковского произведения «Мать», в речи на процессе, обращаясь к судьям, говорил: «Все, что делалось вы, — преступно, ибо направлено к порабощению людей, наша работа освобождает мир от призраков и чудовищ, рожденных вашим ложью, алчностью, жадностью, чудовищ, запугавших народ. Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединит разрушенный вами мир во единое великое целое, и это — будет!». В Октябре семнадцатого года Человек был возвращен к жизни, а призраки и чудовища, порожденные ложью капитализма, были навсегда уничтожены.

Большой и славный путь прошел за это время советский народ. Нищая аграрная страна, зависевшая от капризов иностранного капитала, стала мощной индустриальной державой. Она не идет и никогда не пойдет на поклон к «богатым мира сего», ибо она богаче всех. СССР имеет первоклассную индустрию. По валовой продукции промышленности она вышла на первое место в Европе и на второе в мире после Америки. И все это принадлежит не «сорока семействам» богатей, а одной великой семье, имя которой — советский народ.

Земля, которая была когда-то средством обогащения для одних и источником невыносимых страданий для других, стала всеобщим достоянием. Коллективная жизнь — вот что обидно крестьянам, сделали их труду осмысленным и плодотворным, ликвидировало собственнические инстинкты и открыло крестьянству широкий путь к культурной зажиточной жизни.

Интеллигенция, служившая в массе своей интересам золотого мешка и не имевшая возможности стать подлинно свободной, эта интеллигенция смогла возродиться только тогда, когда пошла за рабочим классом, устремившись с ним в одной цели. Народилась новая интеллигенция, вышедшая из недр рабочего класса и крестьянства. Это народная интеллигенция, востановившая «соль земли советской». Ни одна страна в мире не знает такого размаха культурного строительства, как в СССР. Школы, вузы, превосходное театральное искусство, самая великая литература — все это наше общее богатство.

На этой основе и было создано моральное и политическое единство советского народа, которому нет другого примера. Весь мир раздирается на части непримиримой враждой. Заправили капитализма, поставившие у власти крикливых демагогов, ненавидящих весь мир и презирающих цивилизацию, упрятали в концентрационные лагеря всех настоящих борцов за свободу, разрушили искусство, унифицировали литературу, пропитали ее деловенонна-

вистическими идеями. Они подняли на пьедестал грубый солдатский сапог. Они перекраивают карту мира. Они залили кровью землю Абиссинии, Испании, Китая. Они проглотили Австрию, терзают Чехословакию. Народные массы ненавидят фашизм и его фюреров. Народные массы знают, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях», как прекрасно сказала Долорес Ибарури. Ненавидят господствует над миром. И только в стране Советов, только на родине социализма господствуют мир и дружба всех народов, всех классов. Только у нас весь народ стоит плечом к плечу, единой и несокрушимой силой вокруг партии, вокруг правительства.

В лозунгах ЦК ВКП(б) к XXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции говорится: «Да здравствует наша советская, народная интеллигенция! Больше внимания политическому воспитанию и больше внимания политическому воспитанию и больше внимания закалке советской интеллигенции!» Эти слова партии воодушевляют всю советскую интеллигенцию, воодушевляя и нас, писателей, на борьбу за торжество идей коммунизма. От писателей, которые призваны воспитывать художественным словом поколения людей, требуется особая страстность в их писательской работе. Плаголом же сердца людей! — эти гениальные слова никогда не угасают. Писатели должны быть на уровне своего века, на уровне передовых идей, передовой науки, какой является наука Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

К двадцать первой годовщине Великой Октябрьской революции наш народ, и в первую очередь интеллигенция, получила прекрасный подарок. История ВКП(б) — эта сталинская летопись о делах нашего народа и ее боевой большевистской партии — не может не стать неопенимым оружием в руках истинного художника. Овладев этим оружием — вот задача всех писателей.

Встреча двадцать первой Октября, мы чувствуем, как приковано к нам внимание всего передового человечества. Роман Роллана, Фейхтвангер, Поль де-Крюи, Генрих Манн, десятки и сотни других мужественных интеллигентов, рабочий класс и трудящиеся всего мира видят в нас защиту от господства варварства и рабства. К нам тянутся руки всех честных людей. СССР стоит, как огромный маяк, освещающий путь среди будущего черного океана алчности и деловеноннаственности. Вот почему все, кому дорог человек, Человек с большой буквы, видят в Советском Союзе свою опору, свою гордость, свою надежду. Недаром товарищ Сталин говорил, что рабочий класс СССР является ударной бригадой мирового пролетариата.

Девяносто восемь лет назад Вииссарсон Великий писал: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науку и искусство и принимающей благодарнейшую дань уважения от всего просветенного человечества».

Наша свободная и независимая страна стоит сейчас во главе всего образованного мира, дает законы науке и искусству и принимает благодарнейшую дань уважения от всего просветенного человечества. К такому расцвету ее привела Великая Октябрьская социалистическая революция. Да здравствует XXI годовщина Октябрьской социалистической революции в СССР! Да здравствует великое, непобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина! Да здравствует ленинизм!

СССР — надежда передового человечества

Представители мировой культуры приветствуют Советский Союз

Людвиг ФЕЙХТВАНГЕР

Когда после империалистической войны привилегированным классам пришлось уступить место массам, восставшим против эксплуатации, они подняли чудовищный мятеж, мятеж глупости против разума.

Все мы знали, что победы, завоеванные разумом со времен французской революции, недостаточно закреплены. Но никто из нас не думал, что наступающая глупость и насилие так скоро и так полно удастся окружить разум и цивилизацию в Центральной Европе, в странах, казалось бы, такой большой культуры.

Страшная картина наступления фашизма, картина одичания Центральной Европы потрясает любого наблюдателя. Сердце останавливается при виде тех ужасов, которые вылетают за собой это, названное фашизмом, возвращение к первобытному варварству.

Многие уточненнейшие умы поддаются слабости как раз вследствие своей уточненности. Они начинают считать недостойными, уточненными и беспельными мечтаниями те цели, к которым стремились все великие мыслители человечества, от титанов бронзового века до основоположников социализма. Наглые утверждения своеобразных любителей наживы, заявляющих, что бог и природа на веки вечные поделят человечество на богатых и бедных, начинают кое на кого производить впечатление; многие интеллигенты поддаются под гипноз отдельных, эпизодических побед фашизма. Они погружаются в пучину индивидуалистического, нигилистического отчаяния или асталяют свой разум смолкнуть и переходят в лагерь фашизма.

Тому, кто любит Центральную Европу и скорбит о ее страшной судьбе, тому, кто вынужден быть свидетелем бессмысленного, зверинного торжества животной силы, нужно мужаться, нужно крепко держать свое сердце обеими руками, чтобы не поддаться, не впасть в отчаяние. Мне самому пришлось немало выстрадать. Многие из моих близких погибли; разрушено почти все то, что я любил. И если, несмотря на это, я не впал в уныние, то только потому, что имею возможность обратить свои взоры к Советскому Союзу, потому что могу благодарить судьбу за существование Советского Союза.

Когда читаете статистические данные о Советском Союзе, каждая цифра звучит новой победой. Видишь, как советская техника и доблесть советского народа побеждают и заедают такие области нашей планеты, которые до сих пор были недоступными. Видишь, как страна Советов захватывает родную землю, в которой власть завоевана тружениками. Поражаешься успехам, которых достигла государственная мудрость вождя и спокойная сила армии СССР.

В Советском Союзе осуществлена исконная мечта человечества — мечта об обществе, каждый член которого рождается с равными правами и обязанностями, которое не знает эксплуатации человека человеком. В то время, когда повсюду забрызганные кровью глупцы стараются отчаянно ступить с лица земли уже поблекшие завоевания 1789 года, Советский Союз выдвигает как мощный оплот разума, неизменный в истории человечества, сплоченный и планомерно укрепленный от основания до вершины, непоколебимый, вечный. Какой контраст между спокойной силой советского народа и истерическим хвостом варваров, бесчинствующих в Центральной Европе! Когда при виде зрелища обнаженного, грубого насилия, празд-

нующего победу в Германии и Италии, готов бываешь лишиться мужества, одной мысли о Советском Союзе достаточно, чтобы поднять упавший дух. Знаешь, что это сила, которая не даст человечеству вновь погрузиться в чью варварства.

*
Поль де-КРЮИ

Всего четыре года назад я ничего не знал о той борьбе за новую жизнь, которую ведет советский народ. Многие «сведения» о Советском Союзе, которыми я обладал, сводились к лживой, отравленной пропаганде американских реакционных газет. Потом статьи Уолтера Дюранти постепенно начали побеждать мое невежество. Потом я прочел Коммунистический манифест, все еще скептически улыбаясь, все еще сомневался и не веря, что такой бы то ни было народ, в какой бы то ни было стране действительно начал разбивать свои цепи. Потом, в «Воспоминаниях о Ленине» Крупской впервые встал передо мной образ этого пионера современного человечества в борьбе за жизнь и радость для всех, самого правдивого, самого пронзительного. Потом началось мое настоящее воспитание: я стал читать труды Ленина и устанавливал своего невежества, моего самозовольного благополучия в мире, где миллионы людей умирают от голода, холода, эпидемий.

Увлеченный описанием великих октябрьских дней 1917 года, когда русские рабочие, солдаты и крестьяне под руководством Ленина и Сталина потрясли мир, я все-таки оставался скептиком, я еще не верил до конца. Но рассказы Сиднея и Беатрисы Вебб, Джона Гинсбери, Генри Синджерста и многих других — хороших наблюдателей, известных своей объективностью, убедили меня в том, что советский народ и его вожди осуществляют мечту Ленина.

Я знаю, что тебя, народ Советского Союза, раздвигивши кем-то родины, никогда не смогут победить друзья смерти — фашистские убойники и их наемники, бомбящие женщин и детей.

Сейчас, когда на моей родине растет угроза захвата власти торговцами смертью, я могу надеяться только на одно: что страдания и подвиги большевиков, борцов Октябрьской революции, дадут и мне силы встретить лицом к лицу, если это будет угодно, страдания и смерть в борьбе за создание демократического фронта, который сохранил закон в братском рукопожатии руки русского и американского народа.

*
Вилли БРЕДЕЛЬ

Народы капиталистических стран часто задают себе вопрос: какая судьба постигла бы человечество, если бы не было социалистического Советского Союза? Что сдерживало бы фашистское варварство, если бы не существовало 170 миллионов свободных граждан страны победившего социализма? Если бы не было Советского Союза, что давало бы народам надежду на победу права и справедливости, откуда бы черпали они силу и мужество для борьбы против угнетения, и кто оказал бы им помощь в борьбе против фашистских палачей и рабовладельцев?

Русские друзья, дорогие товарищи на севере и юге, на востоке и западе обширного Советского Союза, вы создали грандиозное дело! Велики те жертвы, которые двадцать один год назад принесли бессмертные герои вашего народа. Терпя лишения и напрягая все силы, вы переселись в новые построили социализм. Этим вы добились свободы и счастливой жизни не только для самих себя, вы сделали нечто неоценимое для всего человечества.

Укрепляйте неукротимую силу ваших народов, уничтожайте троцкистских изменников, предавших вас в интересах фашизма. Гордитесь вашей прекрасной страной, вашей славной большевистской партией, вашей несравненной Красной Армией. Гордитесь великим почетом вашей страны, имя которого для всех народов мира, для всех эксплуатируемых и угнетенных, для всех передовых людей является синонимом свободы, счастья и права народа.

Тяжела борьба наших братьев в фашистских странах. И все же эта борьба крепнет и растет.

Трудна жизнь германских антифашистов в эмиграции, но они неотступно ведут борьбу против германского фашизма. Они знают, какая громадная ответственность лежит на них. Германские антифашистские писатели, находясь в изгнании, доказали, что они полностью сознают эту ответственность. И их слово, как написанное, так и сказанное, всегда направлено к одной цели: фашизм должен пасть! Фашизм должен пасть, тогда будет обеспечен мир среди народов! Фашизм должен пасть, тогда германский народ будет свободным! Фашизм должен пасть, тогда культура мира будет спасена! Фашизм должен пасть, и тогда германский народ и народы всего мира смогут свободно дышать.

*
Генрих МАНН

Все современные государства можно поделить на те, которые преследуют благополучие меньшинства, и те, которые преследуют благополучие большинства. Советский Союз занимает первое место в ряду тех государств, которые считают, что они должны служить благо всех своих граждан. Его правительство заботится о благе всего народа. Поэтому Советский Союз — мирная страна. Он никогда не применит к чуждым агрессорам, потому что это принесло бы вред его народу. Советский Союз стремится к духовному развитию и повышению материального благосостояния своего народа.

И первой и второй цели можно достигнуть лишь при осуществлении воинственных намерений. Народное государство должно быть сильным. Но на безраздельное приращение в жертву своих граждан способна только фашистская диктатура, враждебная народу. Советский Союз считает, что государство имеет более высокие, более гуманные цели, чем достижение фиктивного господства над миром. Такое государство — уродливый мечтатель, оно мечтает о господстве государства, совершенно не заинтересованные в сохранении жизни сынов своего

народа, в счастье народном. Народное государство стремится создавать, творить, материально и духовно обогащать свой народ. Оно — против злоупотребления силами своего народа, против порабощения других народов.

Идея, лежащая в основе Советского Союза, не допускает националистической мани величия, шовинизма. Шовинистическое самовосхваление — трюк, уловка государств, которыми правят немногие. Что, кроме шовинистического самолюбия, могут они дать угнетенным массам? Советский Союз обеспечивает всем своим народам национальную независимость, он стремится к полнейшему осуществлению социальной справедливости по отношению ко всем своим гражданам. Как поучительный пример такого великого единения народов перед лицом национальной вражды в Европе и бессмысленных притязаний некоторых государств.

Социальная справедливость и национальное равенство могут быть достигнуты только при условии честного мышления. Жизнь идеология ведет к разрушению, честная — к прогрессу и успехам. Необходимо, чтобы самые передовые умы согласались с идеей, лежащей в основе государства. Если идея эта принимается по принуждению, — все потеряно. Государство, стремящееся вести свой народ к высочайшим вершинам, не удовлетворится физическим послушанием. Такое государство не может рассчитывать на невежество преобладающего большинства, потому что настоящую силу дает ему только добровольное сотрудничество мыслящих членов общества.

Во главе Советского Союза стоит человек вдохновенного ума, человек громадной энергии. В этом — честь и слава советского государства, это отличает его от других государств, для которых духовная сила ненависти, потому что глава государства его не обладает, и режим этого государства не перепосит интеллектуальной честности и прямоты.

Работники умственного труда — члены единой рабочей семьи. В этом — великая правда, такая неоспоримая, что и интеллигенция Запада не может больше пренебрегать ею.

Всю свою жизнь мы страдали под гнетом государства, нам враждебных, враждебных нашим разумным представлениям о справедливости и гуманности. Советский Союз полон решимости осуществить все принципы гуманности и справедливости. Идея советского государства — вот то, что удерживает многих от отчаяния.

ДЖАМБУЛ

Лейся, песня, от края до края

Слушайте песню, моря и озера,
Слушайте песню, высокие горы,
Слушайте песню, вершины Алтая,
Лейся же, песня, от края до края,
Звени же, звени, о, подруга добра,
Твоя освещает зари Октября.
С нагорных вершин ветер свежий
Полуду,
Новую песню играет Джамбул,
Уже двадцать первый пронесется год,
Как мир обновил наш могучий народ.
И я о народе сегодня пою,
Он слушает песню стальную мою,
И радостью в праздник сияет зари,
Родная в степи заиграла дombra.
И песня акына ведет за собой
На всенародный торжественный той.
В день годовщины обильно несет
Подарки отчизне любимой народ.
Ты, величавый хребет Алатау,

Ты, высочайший хребет Алатау,
Каский, волнами бушующий рьяно,
Бескрайние степи и льды океана,
Ваш новый цветущий весенний наряд,
Как крылья у птицы, на солнце горят,
Смогу ли словами воспеть я мечту,
Смогу ли словами воспеть я красоту.
Для радостной жизни народов весна
Счастливей зарей Октября рождена.
По степи широкой вперед и вперед
Идет обновленный свободный народ.
Где в битвах лихих завоевана власть,
Там враг никакой не посмеет напасть.
Где доблестью славны народов сыны,
Где дети народа стройны и сильны,
Где Сталин великий — создатель
Всены —
Не будет суровой зны у страны.
Перевод Эм. БЕККЕРА
АЛМА-АТА. (По телеграфу).

РУССКИЕ КЛАССИКИ О ЛЮБВИ К РОДИНЕ

М. В. ЛОМОНОСОВ

О ваши дни благословенны! Державте ныне ободренны Раченьем вашим показать, Что может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать.

Н. М. КАРАМЗИН

Россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую ступень гражданского величия: умом и твердым мужеством.

А. С. ПУШКИН

Пока свободой горю, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Завидуем внукам и правникам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающего законы и науку и искусство и принимающую благоговейно лань уважения от всего просвещенного человечества.

Н. В. ГОГОЛЬ

«Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пенки и сала, но за покупкой мушкетера, которой не продают больше на европейских рынках».

Н. П. ОГАРЕВ

Не губят указы парские Русь сими молодечьями, — Ни починки татарские, Ни чиновники немецкие! Не пойдут волной обратно Волга-матушка раздольная, И степью благодатною Русь вперед помычась вольная!

Н. А. НЕКРАСОВ

Сила народная, Сила могучая — Совесть спокойная, Правда живучая! Сила с неправдою Не уживается, Жертва неправдою Не выживается — Русь не шелестится, Русь — как убита!

Вверх по реке

Улица, на которой жил слесарь Луис Гомес, прежде называлась «улицей святой Евлагии»; после выборов ее переименовали в «улицу Карла Маркса». На нее выходили западные ворота собора. Яркие голубые роняли помет на каменные ступени. Каждое утро в воротах приходили нищие и деловито разговаривали: великан показывал крохотную розовую ногу, шестилетняя Россия безостановочно крестилась, а старик андалузец, выставив грудь, всю покрытую струпьями, бормтал о счастье. В летние дни из собора выходила пригородный запах ладава; вокруг гробов горели свечи; в стеклянной коробе черпал через ведрокомочники Евлагия. Проходила мимо голубей и калеки, Луис сердито отворачивался; а когда улочки переименовали, он весело крикнул жене: — Теперь заживем! Тереса усмехнулась: — Можно подумать, что они тебе подарят дом. Тереса была нежной и теплой, с белыми глазами на коричневом лице и со смехом, который напоминал воркотню. Луис любил ее до дурноты; когда она глядела его руку, он терзал дыхание. Это был слух с широкими ругачами и с глазами новорожденного.

Всхватке

Ап. ИСБАХ

В начале нашего века, разоблачая фальшь и продажность французской демократии третьей республики, Анатоль Франс противопоставил всем своим префектам, аббатам и сенаторам-панамистам одного беззащитного гуманиста господина Берже-ре. Отвечая на вопрос дочери: «что переделает мир», — господин Берже-ре говорит: «слова, дитя мое... одна лишь безоружная обнаженная мысль».

Анатоль Франс, как и его герой, господин Берже-ре, был одним из последних гуманистов-идеалистов, гуманистов-эволюционистов. До самых последних лет на позициях социализма, непротеста, панфизма стояли многие писатели Запады. Но в период все обостряющихся классовых противоречий и разгула фашистского мракобесия многие из них стало ясно, что одной «безоружной обнаженной мыслью» переделать мир нельзя.

Вслед за Максимом Горьким и Романом Ролланом лучшие писатели Запады пошли к безоружным словам, к борьбе с фашистским мракобесием, к борьбе за свавотию. Они увидели, что сила фальша надо противопоставить силу прогресса, силу демократии. На мадридском конгрессе международной ассоциации писателей эту мысль замечательно выразил Людвиг Ренн: «за наше дело, — сказал он, — надо сражаться и оружием и словом. Кто из вас в этом зале хочет взять мое перо, пока я держу винтовку? Перепишите, вот оно! Это слова, это долг. Во имя его все — против фальша, за народный фронт и за фронт народов! Я прошу вас, — сражайтесь! Пером, словом, но сражайтесь!»

«Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал великий гуманист Максим Горький. Эту же мысль развил и Анри Барбюс: «Тот, кто шалит людей, готовящихся действовать во вред делу всего человечества, — преступник. Спаситель убийц — сам убийца. Подлинная добота должна простираться и на будущее».

И вот в произведениях писателей Запады начинают появляться образы гуманистов-идеалистов, гуманистов борьбы, революционных гуманистов. В своем последнем романе старейший немецкий писатель Генрих Манн создает образ «гуманиста на коне» — Генриха IV, во имя прогресса ведущего свои отряды в бой против мракобесия, против реакции. А в своих очерках Генрих Манн рисует величественный образ самбургского рабочего, коммуниста Эдгара Антра, павшего за народ, за свободу.

Писатели Запады сами бросаются в схватку. Много писателей героически боролось на фронтах Испании за свободу испанского народа. Испанская война — это война прогресса с реакцией. И здесь ни один революционный писатель не может остаться над схваткой. Многие из них отдают свою жизнь за народ. Так погибли: Матео Залка, Ральф Фокс, Федерико Гарсия Лорка... Оружием и словом бился на полях Испании немецкий писатель Ренгер и Ренн, Бредель и Вайнерт, французский писатель Мальро, американский писатель Хемингуэй и многие другие. Они пришли к гуманизму борьбы не только в теории, но и на практике. Они показали пример истинного гуманизма.

Появляются книги писателей-борцов, книги о войне в Испании, в которых мы встречаем образы командиров, комиссаров, бойцов героической народной армии в Испании. И эти книги полны отваги, эти книги направлены против панфизма. Они созданы писателями, преодолевшими свои прошлые иллюзии, писателями, находящимися в схватке.

Почти одновременно с замечательным «Испанским дневником» Михаила Кольцова и книгой Ильи Эренбурга «Испанский язык» вышли две книги об испанской войне — «Надежда» и «Испания идет в контратаку». Первая написана бывшим командиром авиационной эскадрильи, французским писателем Андре Мальро, вторая — командиром батальона, испанским писателем Рамон Сендером. Обе эти книги — блестящие свидетельства о приходе к революционному гуманизму лучших представителей мировой литературы.

то он сидел в кафе со своим приятелем, седельщиком Гарсией. Гарсия сказал: — Сволочи люди! Погляди — взорвались взором на ослы и смеются. Луис стал метаться: — Скоро будут ездить только в автомобилях, а ослы заберут в какой-нибудь парк — пускай гуляют. Гарсия засмеялся: — Я моего ослы бою, это правда. Но погляди, какой я ему хомут сделал — с бусами. Он воду возит, меня возит. А дай мне автомобиль, я его зарежу. Вот тебе и вся история. — Чорт с ним, зато тебе будет лучше. — У Пабло автомобиль, а он вчера здесь рассказывал: «На бульваре меня детей, я повесился бы, честное слово!» — Дурак твой Пабло! Да и ты хорош. Люди только-только жить начинают. Прежде все дураками были. Прежде и ученые дураки, что земля стоит на месте, а теперь важный мальчишка тебе скажет, что вертится. — Что, мне легче от этого, если на ней сплющенное свиństwo? Был король, теперь республика, а важный сам по себе сволочок. Луис поглядел на седельщика своими светлыми глазами и тихо сказал: — Эх, ты — темnota! Когда началась война, Луис сказал Тересе: — Записался. — Чего радуешься? Убьют тебя, а ты радуешься. Она глядела на Луиса, сожвывая и горячая, как потерянный мир. Луис отвернулся. — Зачем вы это затеяли? — Не мы затеяли, они. — Я тебя не про то спрашиваю, Зачем записался? В лютый стрелить? Луис усмехнулся: — Вот побьем их, тогда никто больше не будет стрелять. На площади оставший фельдшер учил молодых маршировать: задыхался от астимы, он выжал: «раз-два». Хотели было судить священника, который жил с тремя девками, но священник раздобыл замское платье, переделался и удрал. Нищие ушли с папери; они бродили по городу и гусаво цели революционные песни. На короб-

Сендер критикует недостатки в организации испанской армии. Он боится за них, он жестоко клеймит всякие проявления расхлябанности, анархизма, стихийности. Он выступает за создание сильной, спаянной единой задачи армии и показывает, как эта армия создается. Он сам — один из ее организаторов. Он показывает образы героев-командиров и комиссаров, испанских Чапаевых и Фурмановых. С особой любовью пишет Сендер об испанских коммунистах, подчеркивая их волево, организующее начало в армии.

Сендер говорит о необходимости создания сильной армии, проникнутой сознанием борьбы за родину, за свободу, — армии вооруженной, дисциплинированной, закаленной.

«Дон Бихот сказал однажды Санчо, — пишет Сендер, — что он не любит ни артебузу, ни пистолета, потому что из этого гнусного оружия слабый может застрелить сильного. Эта истина угнетала нас в первые месяцы войны. Скрывшись в тумале, машина шлет нас и безжалостно летит разящую сталь. Человеческое тело может противопоставить ей только одну крепость — свое сознание, но сознание может научить нас лишь бесстрашной смерти. Оно не в силах удержать снаряды. Оно повелевает нам гордо встретить их и подставить им грудь. А зародилось это сознание для того, чтобы жить в победе. Да, мы хотим победить и, победив, жить». И Рамон Сендер показывает, что необходимо для

победы, говорит о том, что необходимо закалить волю к войне; войне народа против реакции. Сендер показывает, как закаляется эта воля, как ненавидит фашистов испанский народ, как дисциплинируются бойцы испанской армии.

В своей речи на II международном конгрессе писателей в июле 1937 года Рамон Сендер сказал: «Сотни тысяч республиканских бойцов, которые проливают кровь в Испании, проливают ее за человека, за мир и свободу человека, за культуру и достоинство человека».

В своей книге Сендер показал, как растет и крепнет испанская армия, как преобладают стихийные анархистские тенденции, показал десятки и сотни героических борцов, «гуманистов на коне».

Французскому писателю Андре Мальро, как и испанцу Рамону Сендеру, в прошлом были свойственны многие иллюзии. В «Условиях человеческого существования», несомненно сочувствуя своим героям-революционерам, показывая нервозность китайской реакции, Мальро в то же время не рассчитал ясно цели революции. Он показывал героическое, почти всегда жертвующих собою для революции, но не побеждающих. Эта жертвенность, этот трагизм поражения привлекали Андре Мальро. Поэтому книги его были полны пессимизма, горечи. Резкий поворот намелся уже в книге «Годы пререзья». Андре Мальро отказался от своего одиночества. Он пришел к народу. Особенно ясно видим мы это в последней книге Мальро «Надежда». Один из лучших представителей мировой интеллигенции, Мальро в первые же дни испанской войны отправился на фронт и примкнул к борьбе народа с фашизмом. Андре Мальро сражался и оружием и словом. Он бормил фашистские войска и он написал книгу «Надежда» о героической борьбе испанского народа. В этой книге Мальро простился с иллюзиями своих прошлых книг. Его герой уже не одиночек, его герой отрицает бесплодную жертвенность. Она думает о победе, о жизни, о народе. Тема жизни победила тему смерти.

Если раньше, в романах о Китае, Мальро интересовался главным образом этнические проблемы, а его герой улетал в чремерное время самонавлеку, то теперь его герой переходит к действую. Мальро показывает дисциплинированную, организованную коммунистов, противопоставляет их расхлябанной анархической стихийности. Перед Мальро, как и перед Рамонем Сендером, стоит задача показать, как организуется стихия, как воспитывается и закаляется армия. «Эта война будет прежде всего войной техники», — говорит один из героев «Надежды» Варгас. — А мы ее ведем, говоря только о чувствах». Мальро хочет показать, что оных прекрасных чувств, одной мысли, «безоружной обнаженной мысли» мало в этой войне. Мысль должна быть вооруженной, армия должна быть дисциплинированной. Борба идет не на жизнь, а на смерть. Это борьба не во имя жертвенности, пусть благородной и героической, а во имя победы, во имя жизни!

Мальро решительно выступает против людей слова, людей деклараций. «Не люблю людей, которые снимаются с револьвером в руки», говорит один из его героев. Действие, прежде всего — действие!

Резко выступая против людей поэмы, Мальро создает прекрасные портреты людей действия — командиров и комиссаров. Это уже не героические одиночки, о которых писал когда-то Мальро, это «гуманисты на коне».

«Испания, — говорит Мальро в последних строках своего романа, — наконец озонала себя». Вместе с Испанией озонала себя и Андре Мальро, яркий, отважный писатель, пришедший к народу и борющийся за народ оружием и словом.

Мальро и Сендер не одиночки. Появляются книги Бределя, Хемингуэя и многих других писателей, участников великой схватки, великой войны за народ, за прогресс, за жизнь, за настоящее и будущее против сил фашизма, против сил мировой реакции.

Мальро решительно выступает против людей слова, людей деклараций. «Не люблю людей, которые снимаются с револьвером в руки», говорит один из его героев. Действие, прежде всего — действие!

Резко выступая против людей поэмы, Мальро создает прекрасные портреты людей действия — командиров и комиссаров. Это уже не героические одиночки, о которых писал когда-то Мальро, это «гуманисты на коне».

«Испания, — говорит Мальро в последних строках своего романа, — наконец озонала себя». Вместе с Испанией озонала себя и Андре Мальро, яркий, отважный писатель, пришедший к народу и борющийся за народ оружием и словом.

Мальро и Сендер не одиночки. Появляются книги Бределя, Хемингуэя и многих других писателей, участников великой схватки, великой войны за народ, за прогресс, за жизнь, за настоящее и будущее против сил фашизма, против сил мировой реакции.

Мальро решительно выступает против людей слова, людей деклараций. «Не люблю людей, которые снимаются с револьвером в руки», говорит один из его героев. Действие, прежде всего — действие!

Резко выступая против людей поэмы, Мальро создает прекрасные портреты людей действия — командиров и комиссаров. Это уже не героические одиночки, о которых писал когда-то Мальро, это «гуманисты на коне».

«Испания, — говорит Мальро в последних строках своего романа, — наконец озонала себя». Вместе с Испанией озонала себя и Андре Мальро, яркий, отважный писатель, пришедший к народу и борющийся за народ оружием и словом.

Мальро и Сендер не одиночки. Появляются книги Бределя, Хемингуэя и многих других писателей, участников великой схватки, великой войны за народ, за прогресс, за жизнь, за настоящее и будущее против сил фашизма, против сил мировой реакции.

Мальро решительно выступает против людей слова, людей деклараций. «Не люблю людей, которые снимаются с револьвером в руки», говорит один из его героев. Действие, прежде всего — действие!

Резко выступая против людей поэмы, Мальро создает прекрасные портреты людей действия — командиров и комиссаров. Это уже не героические одиночки, о которых писал когда-то Мальро, это «гуманисты на коне».

«Испания, — говорит Мальро в последних строках своего романа, — наконец озонала себя». Вместе с Испанией озонала себя и Андре Мальро, яркий, отважный писатель, пришедший к народу и борющийся за народ оружием и словом.

Говорит антифашист

Ник. ТИХОНОВ
Чтоб каждой мысли вольное движение Немедленно бралось под позоренье, Чтоб странным мной любимым книг Костер фашистский уничтожил вмиг, Чтоб вместо слов простых и человеческих Рев фуриеров я слышал бесконечный.

Чтоб взошла жизнь под диких песен вой Шагал с лопатой в лагерь трудовой, Чтоб презренная жизнью дорожка К народам пленным шед я в сторожа.

Участвовал в разбойничьих походах, Чтоб «фуриеров я славил в рабских одах, Чтоб стал, как труп, безмолвен и, как труп, Гнил заживо между заводских труб, Одной войне дымящих словословье, Моих друзей обрызганное кровью.

Чтоб я забыл, что есть на свете разум, Косясь на мир налитым злобой глазом, Нет — будет мир стоять неколебим, Он помнит все, что пережило ним, Пожары, казни, бедствия, сраженья, Беда позора, рабства, униженья.

Где б ни свистел кнутами новый Рим — Мы ничего ему не отдадим; Стихи из интернета, написанной и песне «ГУМАНСИЯ» Мигеля Сервантеса де Сааведра.

МЫ СПИМ в библиотеке итальянского профессора Х.; кроме меня, здесь человек десять — колледж хозяина дома со своими женами, бывший редактор левой газетки, ученый, писательница, известная и за границы, археолог и врач. Вечерний ветерок доносит через открытую на террасу дверь аромат цветов и отдаленный шум большого города. Говорит много, но старательно остергается высказывать свое мнение. Эта странная беседа создает впечатление, что люди недовольно пристраиваются друг к другу. Здесь, в обществе образованных людей, боится открытости еще больше, чем в среде рабочих и крестьян.

Один фашистский чиновник, — говорит я, — доказывал мне, что в Италии положение фашистской интеллигенции шло, чем в Германии. Верно ли это? Мои слова, видимо, заинтересовали всех. Все переключилось; было очевидно, что ответить на мой вопрос трудно. Заговорил бывший редактор: — В нашем городе живет несколько университетских профессоров, не носящих фашистского значка. Некоторые из них даже пишут книги и занимаются научными исследованиями. Книги они печатают на свой счет, научными исследованиями они занимаются в своей стране, за визид следят, они окружены шпионами. Их книги и научные работы не обсуждаются публично, ни одна газета не представляет ни своих страниц, их не купят ни на одну ораторскую трибуну. Но даже такой условной свободой мало кто может пользоваться.

Он говорил так страстно, что мне в не нужно было задавать вопроса, не принадлежал ли он сам к врагам фашизма. Постепенно я завоевала доверие этих людей. — Фашизм сделал и кое-что хорошее: он вернул нам наших детей. Да, вы все изумленно смотрите на меня, — усмехнулся редактор, обращаясь к собравшимся, — но это действительно так. Я от-

Антифашистская журналистка Маргарета Вест опубликовала в левой иностранной печати серию очерков «Неведомая Италия». Мы печатаем один из этих очерков.

Они легли спать. Луис вскоре проснулся. Под окном жалобно кричала коза. Луис вспомнил человека с золотым зубом, и ему стало тошно. Он повернулся на кровати, поканился, встал; но Гарсия не просыпался. В доме было тихо и пусто; хозяйка ушла за водой. Луис разбудил Гарсию. Долго и несвязно он толковал ему о своей тоске. Седельщик, распухший от сна, глядел не моргая и молчал. — Ты что молчишь? — А о чем говорить? — Тот, с зубом, он, сволочок, жить хотел, руки молчали. Их надо было отвести в штаб. Но посмотрю, такая на меня нашла злоба... Ты что молчишь? — Говорить не о чем. На то война. — Это правда. Но он, сволочок, руки поднял. — Брось! Визал, как они работают? Женщину не пожалели. А ты... — Разве я их жалую? Мне себя жалко. Если подумать — был я мальчишкой... Ты мне скажи, зачем я книги читал?

Гарсия не вытерпел: — Спать хочу. Да и ты ложись. Что ты себя мучаешь? Врут книги. Вот тебе и вся история. Вечером пошла марокканцы. Они окружили деревню с трех сторон; с четвертой была река — быстрый мутный Тахо. Часть дружинников прорвалась визн и по мосту перебралась через реку. В деревне осталось человек тридцать; среди них Луис. Они засели в первом над рекой. В ночи наступила тишина. Марокканцы, измученные переходом, уснули. Только изредка начинался беспорядочный ружейный огонь. Вдруг раздался грохот: это дружинники взорвали мост. Марокканцы повсочили с земли и стали стрелять в первом. Потом снова все стихло. Луис сидел на каменном полу, обняв голову руками, и думал о том, что это его последняя ночь. Мысли были простыми и длинными, как ветер. Седельщик ушел за реку, и Луису не с кем было поговорить. Он знал одно: не даться живым. Женшина рассказывала: положили под грузоник... Сволочи!

Рядом с Луисом кто-то храпел. Луис не видел лица. Потом раздался вздох и тихий, жалобный голос: — Глупо как вышло! Ведь убьют... Луис усмехнулся: — А ты что думаешь? Вот тебе табак, закури. Начало светать. Луис увидел тени: люди с винтовками и статуи. Сначала трудно было разобрать, кто человек, кто статуя. Потом косой луч солнца прошел в узкое окошко. Все стало rõзным — и камни и серые истомленные лица. Попржнему было тихо; это топота замкнула всех. Может быть, они хотина поджечь деревню? Луис поглядел на соседа, который ночью выхлал. Это был подросток, похожий на пангалепца. Луису стало жаль его; он сказал: — Наши обязательно подойдут. Только бы протерпеться до вечера.

Перед Луисом была статуя — богатырь или святая. Она была из камня и держала в руке большой каменный цветок. Луис вспомнил Тересу. Откуда такая сила у женщины? Когда он впервые пошел к Тересе, он сказал: «Чертовка! Дышать не могу, а еще пеловал и пеловал бы... Это было на рождество, а кажется, что с тех пор прошло сто лет. Трудно понять, что такое время. Сколько лет такой статуе? Триста. Может быть, пятьсот. Подумать только, что пятьсот лет тому назад жил человек, который сделал такую красоту. Наверно, он глядел на женщину вроде Тересы... Луис лотронулся до статуи и тотчас отдернул руку; он вспоминал горячее тело Тересы. — Сволочи! Держи табак, закури.

От первого орудийного выстрела повывлетела стекла купола; это был перелет. Еще, еще. Четвертый снаряд попал в первом. Когда Луис опомнился, все вокруг было полно солнца. Он увидел воле аттара марокканца и бросился в брешь. Рядом с первым было кладбище; Луис споткнулся о могилу. Он побежал вниз к реке; он бежал, падал и снова бежал. Река была арко-рыжей. Он вынул из воду и поплыл вверх. По нему стреляли. Он прыгал в воде, но через минуту снова показывался его курчавая черная голова. Вода билась о камни, кружилась на месте, в злобе неслась навстречу Луису. Он плаыл. Потом он нырнул и больше не выплыл; может быть, он не смог бороться с течением.

Луис сидел на каменном полу, обняв голову руками, и думал о том, что это его последняя ночь. Мысли были простыми и длинными, как ветер. Седельщик ушел за реку, и Луису не с кем было поговорить. Он знал одно: не даться живым. Женшина рассказывала: положили под грузоник... Сволочи!

Рядом с Луисом кто-то храпел. Луис не видел лица. Потом раздался вздох и тихий, жалобный голос: — Глупо как вышло! Ведь убьют... Луис усмехнулся: — А ты что думаешь? Вот тебе табак, закури. Начало светать. Луис увидел тени: люди с винтовками и статуи. Сначала трудно было разобрать, кто человек, кто статуя. Потом косой луч солнца прошел в узкое окошко. Все стало rõзным — и камни и серые истомленные лица. Попржнему было тихо; это топота замкнула всех. Может быть, они хотина поджечь деревню? Луис поглядел на соседа, который ночью выхлал. Это был подросток, похожий на пангалепца. Луису стало жаль его; он сказал: — Наши обязательно подойдут. Только бы протерпеться до вечера.

Из замислой книжки писателя

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

СМЕЖНЫЕ МЫСЛИ

Желтые облака над Фосудией. Они кажутся древними, средневековыми. Жара. Пройдет жужжащая. Мальчишки сидят на старой авиации и набивают рот сухими сладкими пирожками. Далеко над морем поднимается прозрачная струя дыма, — идет из Одессы теплоход. Мрачный рыбак, по-попосаный обрывком сети, свернутой жгутом, свисает и ослепляет в воду, — ему скучно. Рядом с рыбаком на берегу сидит мальчишка и читает книгу. «Дай, папа, почитать, что такое за книга», — кричит просит рыбак. Мальчик робко протягивает книгу. Рыбак начинает читать. Он читает пять минут, десять, он опит от увлечения и говорит: «Вот это завинчено, убей меня бог!» Мальчик ждет. Рыбак читает уже полчаса, облака переменились на небе метрами, мальчик уже обидел одну авиацию и полез на другую. Рыбак читает. Мальчик смотрит на него с тревогой. Проходит час. «Дай, — поплотом говорит мальчишка, — мне нахо домой». «До мамы?», — не глядя на него спрашивает рыбак. «До мамы», — отвечает мальчик. «Успеешь до мамы?», — сердито говорит рыбак. Мальчик замолкает. Рыбак с шумом перелистывает страницы, глотает слюну. Проходит полчаса. Мальчик начинает тихо плакать. Теплоход уже подходит к порту и гудит вежливо и величаво. Рыбак читает. Мальчик плачет, уже не сдерживая слезы, кут по его прожатым щекам. Рыбак ничего не видит. Старый пританский створщик кричит ему: «Петя, чего ты мучаешь ребенка! Отдай книгу, иди в школу вместе с ребятами». Рыбак удивленно смотрит на мальчишку, бросает ему книгу, плачет, говорит с сердцем: «На, собственная, базарная душа, подумай той книжкой». Мальчик хватается книгу и бежит, не оглядываясь, по раскаленному портовому спуску. «Что это была за книга?» — спрашиваю я рыбака. «Та Диккенс», — говорит он с досадой, — такой приличивый писатель — как смола».

Неторопливые размышления и прятальное созерцание так же законны для каждого человека нашей страны, как сон, чтение книг или любимая работа. За право размышлять и созерцать — иначе говоря, за право на арядную мысль и арядный образ — надо подчас очень жестоко бороться с теми, кто думает, что литература социалистического времени может быть создана наспех, «в порядке телефонного задания». Нельзя гнать цветков в рост, но давая созревать семенам. Гранение драгоценных камней требует времени. Иначе оно не даст кристаллов, сверкающих вечным блеском, не даст «алмазных граней». А об этой «алмазной грани» словесного материала мечтали во все времена лучшие писатели и поэты человечества.

Нельзя писать книги и не знать, какие травы растут на лесных полянах и на болотах, как восходит Сиринус, чем отличаются листья берез от листьев осины, улетают ли на зиму синицы, когда цветет роза, и какие ветры приносят дожди или засуху, пасмурность или яркое небо. Нельзя писать книги и не знать, что такое предвсвешенный ветер или глумлая ночь под открытым небом в октябре. Писательство несомненно с извечностью, с коммальной скукой, с пренебрежением к природе. У писателя должны быть руки, не только покрытые мозолями от пера, но и потрясавшиеся от речной воды. Коммальная литература, парижская завывающая материя, стилизация, барское отношение к земле — все это должно быть осмыслено и изгнано из нашей действительности.

ЛЕВ НИКУЛИН

ОБ ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ

...В те годы Владимир Владимирович Маяковский с волнением и тревогой писал о Польше, бросающей оружие у нашей границы.

Именно в те годы я покинул Москву, отправляясь в небольшую заграничную поездку. Подробности этой поездки в послевоенную Европу уже позабылись, и не в них дело. Но случайная случайность моих спутников оказалась замечательной человек. Он вызвал интерес уже своей внешностью, оригинальной и привлекательной. Однако первое, что поразило в нем, был тембр голоса — горловой, волнующий, неповторимый тембр голоса прирожденного оратора. Голос этот прозвучал в одном из купе, он наполнил наш вагон, он заглянул стуж и прохот мчащегося поезда. Потом я увидел, наконец, обладателя этого голоса. Это был статный, стройный человек. На вид ему можно было дать лет сорок. Подвижное, живое, первое лицо с умным, постоянно меняющим выражение взглядом блестящих, живых глаз. Одет он был несколько своеобразно, как одеваются люди, которые не по плечу современный покроя одежды. По костюму его можно было принять за артиста. Тем более неожиданым был эффект, когда он протянул руку и назвал себя:

— Войков.
Это был Петр Лазаревич Войков — полномочный представитель СССР в Польше. Мы ехали довольно долго (в те времена не существовало экспресса Столбы — Париж). Поглядывая в окошко на унылые, тощие поля, на помещичьи фольварки, на серые здания польских станций, мы пересекли чужую страну, говорили о том, что было довольно далеко от этих непривычных, невзрачных мест.

Разговор зашел о Швейцарии, где жили в революционные времена Войков, где довелось бывать и мне. Войков вспоминал товарищей — политических эмигрантов, изгнанных из родной России.

Там, над озером, в ночные часы порой раздавалась русская песня:
Из страны, страны далекой
С Волги-матушки широкой
Ради славного труда,
Ради вольности высокой
Собрались мы сюда...

Войков рассказывал, улыбаясь, какое неудовольствие вызвали у швейцарских буржуа эти песни «С Волги-матушки широкой». Он говорил о Швейцарии, и перед нами как бы открывалось голубое, тихое озеро, городок, острокопеченные кровли, отраженные в зеркальных водах, одинокий парус в отдалении. Он хорошо знал Швейцарию, знал ее как человек, исконно — ее горные тропинки с рюкзаком и альпенштоком в руке.

Потом, вполне естественно, разговор перешел на событие, тогда еще совсем близкое, памятное каждому из нас — убийство товарища Ворожцова белогвардейцем Корнади. Это мог подумать, что судьба Петра Лазаревича Войкова, живого, улыбающегося, сильного человека, стоявшего прямо против нас, у открытого окна вагона, будет связана с судьбой Ворожцова!

Войков с трепетом говорил о свободолюбивых традициях швейцарского народа. «Вильгельм Тель», «Вингелри», Арнольд Вингелри — швейцарский крестьянин, легендарный борец за независимость. Вингелри держался атаку рыцарей... Еще Ангелы писали о славной швейцарской пехоте, разбившей рыцарскую конницу... Но швейцарцы не стремились сохранить свою боевую славу, они научились лишь торговать ею, они пролазили себя в качестве телеграфистов, инженеров, железнодорожников Европы... А «право убежища»?.. Выходит так, что швейцарские содержатели отелей сохраняют право убежища для бандитов вроде Корнади.

Даже здесь, перед вами случайными спутниками, Войков говорил с такой убежденностью и страстью, что легко было опепить всю силу и мощь этого замечательного оратора, трупца, весь блеск его яблонского красноречия.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

Октябрь в Екатеринославе

Мы встречаем
Наш Первый октябрь в декабре, —
Запоздала зима.
Таит снег на дворе
Тихо движется осень. Пустынни
бульвары.

Люди сходятся вместе.
Молчаливые пары
Стоят у ворот.
Магазины закрыты.
Нет на стеклах еще деревянных заплат.
Но поближе к базару — первый
убитый.

И мальчишки над ним плотной
стайкой стоят.
Вот один за рукав его тащит потерявший.
Кто такой? Вы хотите его обокрасть?
Но мальчишки шумят:
— Это — можно! Он — мертвый!
Это — сний жуша!
Оно — бывшая власть!

Волевался хозяин мой пане Барак:
— Вы слышали?
Вся власть разогал Железняк?
Хулганам! Меравцам!
Банда бродяг!
Боль и злоба в его перепуганном
взгляде.

Хорошо. Хорошо.
Значит, мама берет.
Завтра выйдет на улицу Бриноский
завод.
И, как сытный обед, мне — хозяйский
припадок!
Пусть он больше из Витесбса немцев
не жде!
Пусть всегда не шипит про немецкий
порядок.
Ну, а я?

Может, снова пойти в Профсовет?
Хоть я знаю, там крикнут: гоним
карапуза!
Хоть и числесь с полгода я дном
союза.

Что мне делать?
Увы! мне четырнадцать лет!
Я гляжу на деревья, на темные сучья,
Что, как черные руки, под небом
торчат.
Низко-низко проносятся серые тучи,
И со свистом взрывается первый
снаряд.

Это бранцы встречают Октябрь над
домами.
Первый раз застрочил пулемет за
углом.
Над Советом валдыается красное знамя,
Первый выстрел карниз засмывает
стеклом.

Будут завтра враги мои в переполохе,
Мой черед посягаться над ними
теперь!
Я подростком стою на пороге эпохи,
Треск прикладов! Мне в мир
открываются двери!..
Что за жизнь в нем?
Какие там краски и звуки?
Как там встретят меня?
Но поплывай ли назад?
И, засунув в карманы озябшие
руки,

Отправляюсь к Совету, где наши стоят.
Пусть смеются!
Пусть будут в азарте ругаться,
Чорт возьми! Я для них приготовил
ответ:
— Не четырнадцать мне — мне
пятнадцать! шестнадцать!
Я солдат — мне семнадцать
исполнилось лет!

ВИКТОР ФИНК

СЛЕПОЙ

В Париже, на выставке.
В Советский павильон пришел слепец.
Его привела полу-руку ремолодая женщина
с суровым, сосредоточенным взглядом. У
слепца глазницы были пусты, и веки сли-
плись. В петлице была желтая ленточка
военной медали и красная — Почетного ле-
гиона. Мне было совершенно понятно, куда
девались глаза этого человека: их выпила
война.
Что нужно на выставке слепцу?
Я пошел за ним.
Нигде не останавливаясь, женщина пове-
ла его к бюсту Ленина.
— Ну, вот, — сказала она, и они оста-
новились.

Слепец высвободил правую руку и по-
ложил ее на бюст Ленина. Пальцы по-
няли, что они на груди, и быстро побеле-
ли вверх — в голову. Слепец опустил ее
всю, от борозды до лба, быстро, замечательно
быстро, но четким бегом пальцев. Потом
он отделил, медленно и подробно, волил
пальцами по лбу, по глазам, задержался у
губ и снова вернулся ко лбу. Женщина сто-
яла рядом с ним молча. Наконец слепец опу-
стил руку.
— Ну, вот, — сказал он.
Женщина молча взяла его под-руку. Они
повернули к выходу.

В. БИЛЛ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

ПРИКАЗ

...Четвертый день Великой Октябрьской
социалистической революции. Меня, толь-
ко мобилизованного рядового солдата,
ночью вызвали в революционный штаб,
который помещался в те годы в здании
Моссовета.

Там коротко сказали:
— Вы назначаетесь командиром. По-
лучите в свое распоряжение сотню сол-
дат и прикройте артиллерию.
Тут же мне был точно указан пункт.
Я тотчас же отправился выполнять при-
каз. Выстроив сто солдат на площади пер-
ед штабом, я омушено задумался над
своей задачей: что означает приказ при-
крыть артиллерию?

Я напряженно думал об этом. Шел ли-
вень, и мокрые дула орудий блестя в
темноте. Вдруг я все понял. Ну, конечно!
Идет дождь, молчат орудия, нужно
прикрыть их брезентом. Я помянул, что на
военных судах дула орудий всегда закры-
ты чехлами.

Облегченно вздохнув, я приказал сво-
ему отряду жать меня, а сам пошел иск-
ать брезент в подвальных помещениях

штаба. Но тут моя уверенность была по-
колеблена внезапной мыслью:
— Для того чтобы прикрыть орудия
брезентом, достаточно двух человек. За-
чем мне поручили сотню? Нет! Тут что-
то не так...

Выстрелы приближались, становилось
все тревожнее и тревожнее. Надо было
действовать! Что значит — прикрыть ар-
тиллерию? Спринт солдат нельзя было,
это значило скомпрометировать себя как
командира. Среди своих бойцов я увидел
человека с ефрейторской нашивкой. Решив
пойти на хитрость, я обратился к нему.

— Ты знаешь, как прикрыть артил-
лерию?
— Знаю, — ответил солдат.
— Прикрой! — сказал я. — Поручаю
это тебе как моему помощнику.
— Смирно, шагом марш! — скоман-
довал он и повел солдат к артиллерии. А
когда он расстался с ним в указанном месте
возле орудий, когда зарождался напир орудия
и мы вступили в бой с конкерами,
я понял, что значит «прикрыть артилле-
рию».

Д. БЕРГЕЛЬСОН

ВОЗМОЖНЫЙ РАССКАЗ

Интересно, какой рассказ написал бы в
XXI годовщине Октября А. П. Чехов, будь
он жив?

Весь праздничный рассказ он писал пе-
динократно и всегда мастерски.

Дожив Антон Павлович до наших дней,
он был бы величайшим оптимистом — в том
не сомневаюсь.

Воскопечным источником оптимизма
были бы для Чехова и его собственные произ-
ведения. Достаточно было бы ему пони-
тересоваться, что стало с его любимыми ге-
роями.

Весьма возможно, что кухаркина сына
Андрея из рассказа «Детвора» Чехов на-
шел бы среди популярнейших мастеров со-
ветского летного дела. Ванька Жуков не
писал бы делу, что в Москве «дома все гос-
подские», что «хозяин выволочил меня за
пояса на двор и отчесал шпаньиром за то,
что я качал ихнего ребенка в люльке и по
нечаянности заснул». А Ванькина
страсть к ружью «на манер баринских»,
выставленному в окне лавки, без сомнения,
была бы удовлетворена в любом стрелковом

кружке Осоавиахима или в Красной Армии.
А вот, скажем, Николай Чикляков в
рассказе «Мужики» возвращается в свою
родную деревню. Как художник предельной
правдивости, Чехов писал:

«В воспоминаниях детства родное гнездо
представлялось ему светлым, уютным, удоб-
ным, теперь же, войдя в избу, он даже не-
спулся: так было темно, тесно и нечисто».

Однако, пиши теперь Чехов о возвраще-
нии кого-либо в свою родную деревню, та
художественная правда повела бы ему
строить это же предложение, пожалуй, вот
так:

«В воспоминаниях детства родное гнездо
представлялось ему темным, тесным и
нечистым, теперь же, войдя в избу, он даже
удивился: так было светло, уютно и удоб-
но».

«Есть счастье», — говорил Чехов
устами старика-пахуха в рассказе «Сча-
стье» — а что с него толку, если они
на земле зарыты? Так и пролетает добро за-
ром, без всякой пользы, как полва или овечь-
ий помет!»

Что же сказал бы Чехов теперь, убелив-
шись, что «добро не пропало задаром», что
оно «вырыто» большевиками и отдано на-
роду? Какой рассказ написал бы он к все-
народному октябрьскому торжеству, когда
улицы городов и сел нашей родины занима-
ются волнами человеческого счастья!

ГЕННАДИЙ ФИШ

РАССКАЗ БОЙЦА

«Я лежал на самой передовой линии у
полюсных сопки Заозерной.

Вдруг я заметил, что пальцы на правой
руке перестали слушаться меня. Не под-
чиняются. Смотрю — рука в крови. По-
нял я, что мне ранили. Сорвал я левой
рукой индивидуальный пакет, но перевязку
наложить не могу.

И тут я замечаю, идет позади цепи,
слегка пригибаясь от японских пуль,
командир.
Половел совсем близко. В темноте ви-
жу, что не из нашей роты. Я и позвал:
— Товарищ лейтенант, — говорю
ему, — перевяжите мне, пожалуйста,
руку.

Подходит он ко мне, и завидно мне ста-
ло, как это он таким чистым до первой
линии добрался.
У всех у нас во взводе поголовно —
и у лейтенанта нашего — на гимнастер-
ках лопты до беля прогарили, и коленки
на шарохах. Днем так даже неудобно
смотреть... Чуть не в кровь изорвались.

Почел он ко мне, взял мой индиви-
дуальный пакет и развернул бинт... Стал
перевязку накладывать. Молчу. Зубы я
стиснул, даже не слышу, чтобы звужа не
пропорхнул. И когда перевязка — на-
ложилась ко мне. И что же вы думаете?
Синт! Честное слово, спиртом пахнуло...
И тут я сразу все понял. Нет, чорт тебе
лери, знаешь ли, какой ты есть лейтенант
Красной Армии, если в боевой обстановке
от тебя спиритный несеет!

Почел от меня лейтенант прощ, а
шел он, надо вам сказать, к тылу.
Позвал я к соседу справа.
— Немедленно бег! Видишь — пошея
в лейтенантской форме. Бег за ним, за-
держи!

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ СОВЕТСКИХ ЗРИТЕЛЕЙ

Любовь Яровая — на пьесе
К. Тренева.
Рис. П. Павлешова.
Партизан Вершинин — из пьесы
В. Иванова.
Рис. Натана Альтмана.

ЛЕВ КАСИЛЬ

Т Р И Э П И З О Д А

1. ПЯТЫЙ БРАТ

Полтора года назад в редакции журна-
ла, где я тогда работал, пришел школь-
ник лет тринадцати в военной гимнастер-
ке с зелеными петлицами. Мальчик при-
нес написанный им рассказ о брате-по-
граничнике. Это был рассказ-письмо о по-
вине старшего брата, одного из четырех
братьев автора. Четыре брата были у ав-
тора: Михаил, Константин, Георгий и Ви-
ктор, четыре брата — и все они служили
в Красной Армии пограничниками. Четы-
ре брата сторожили страну. Михаил стоял
дворным на юге и шурил глаза, обжа-
гаемые ветром, идушим, может быть, из
Индии. Константин нес службу на запад-
ной границе и смотрел, чтобы кто-нибудь
«не заскочил из Европы». Георгий стоял
стражем в северных воротах страны, и
беломорские валы бросали его катер. А
четвертый брат, Виктор, держал на замае
дальневосточную границу. И вот о нем, о
Викторе, о бойце Н-ской пограничной за-
ставы, написал рассказ пятый брат —
московский школьник Коля Д.

Горячо, сердито и просто был написан
рассказ. Нас порадовали прекрасные зна-
ния деталей пограничного брата, и сры-
ющаяся с голоса мальчишеская злость, с
которой Коля Д. описывал неравный бой
своего старшего брата с целой бандой ли-
версантов.

Мы решили напечатать рассказ о брате.
Чтобы проверить самый факт столкно-
вения на границе и ряд мелочей, редакция
послала рассказ в соответствующие орга-
ны. Трудно передать наше удивление, ко-
гда на возвращенном нам рассказе мы
прочли такую пометку: «Рассказ, может
быть, и хорош, но проистинство, описан-
ное в нем, — выдумка чистейшая. Ни
такой заставы, ни пограничника Виктора
Д., ни его братьев на других границах
нет. Все это, очевидно, выдуманно ав-
тором. Поскольку же редакция намере-
вается печатать настоящий материал как по-
лный документ, письмо, это вводит чи-
тателя в заблуждение».

Пришлось поговорить с молодым ав-
тором, поговорить по душам, осторожно. И
тут мальчик сознался, что никаких братьев
у него нет, что все это он выдумал. Но его
мечта — мечта неотвратимая, всепоглоща-
ющая — быть пограничником. Он и гим-
настеру раздобыл себе с зелеными пет-

лицами. У него был собран целый альбом
газетных и журнальных вырезок, в ко-
торых сообщалось о доблести советских по-
граничников. В воображении его уже сло-
жилось довольно точная картина погра-
ничной жизни. Братьев у него не было,
но какой мальчик не мечтает о старшем
брате, которым можно было бы похвалять-
ся перед товарищами! И вот Коля Д. вы-
думал себе сразу четырех старших брать-
ев. И в классе и в библиотеке, где был
записан Коля Д., все знали, что у мальчи-
ка четыре брата, четыре славных брата
на четырех советских границах. Ребята
завидовали Коле. А сам Коля так увлек-
ся одной мечтой, этой странной игрой,
что готов был уже сам поверить в существо-
вание своих братьев. Он затеял переписку
с бойцами нескольких пограничных за-
став. Бойцы отвечали хоршими, добрыми
письмами любознательному пионеру, хотя и
не указывали своего местоположения, или
названия заставы, блюди военную тайну.
И когда Коля сидел на уроке, ему каза-
лось, что из четырех углов класса смот-
рят на него четыре храбрых брата: Ми-
хил с юга, Константин с запада, Георгий с
севера и с востока — Виктор.

Для меня вся эта история была драго-
ценнейшей находкой. Я давно уже работал
над небольшой повестью о мальчишке, у ко-
торого был брат — знаменитый летчик.
Но повесть получалась вялой, сточной. В
ней не было уза. Действие растекалось по
глади вполне благополучной ситуации.
Я уже подумывал, что хорошо бы дать
моему герою не настоящего, а выдуманного
брата, однако, это мне казалось не-
сколько натушанным, рискованным, неиз-
вестным. А вот тут, когда я увидел Колю
Д., узнал историю его мечты и все мы
оказались волнующими в игру, я понял,
что именно так — о выдуманном брате —
следует писать повесть. И разом все ста-
ло на место. На первый взгляд неправдо-
подобное сделалось жизненным.

И теюй книги стало не случайное из ра-
да вон выходящее удачное рождение, а ти-
пическая мечта советских ребят, одним
из них мне подсказанная. Так и напи-
салась книжка «Черемух, брат героя».

2. ВЕРНЫЙ КУЗЬМА

Кузьма Павкин был бродягой. За долгие
годы своих странствий этот непоседли-
вый корольский бегунчик человек, с чу-

десной улыбкой и азартными глазами, обо-
шел всю Россию.

Потом Кузьма Павкин решил, что годы
ему пришли уже такие, при которых пора
оседать на месте. Он определился курье-
ром одного советского учреждения в ма-
леньком городке на Волге. Собственно го-
воря, он пробыл и в прежние время не
раз служить, но больше трех недель нигде
не удерживался.

Работа курьера нравилась ему, потому
что приходилось много двигаться. Непод-
вижности он органически не переносил.
Ходил он необыкновенно быстро — «бе-
гунком-кашпиком, марш-марш», как лю-
бил сам выражаться. Благодаря своей рас-
торопности Кузьма успевал в поразительно
короткий срок разнести куда надо бу-
маги, выполнить все поручения и... успевать
еще по дороге забегать в пивную.

Вот тут-то и было «место претенде-
ния», огорчительное как для Кузьмы, так
и для его начальства. Зайди в пивную,
Кузьма уже не выходи оттуда: большей
частью его выносили...

Как раз к тому времени, когда я по-
сетил городок, там открылся народоиспан-
сер. Одним из первых его посетителей был
Кузьма Павкин, отправленный туда до-
бродяжеланным начальством. Я приехал
как корреспондент центральной газеты,
чтобы описать рост благоустройства горо-
да, новые дома, тротуары, клубы, бани,
прачечные...

Когда я с блокнотом в руке посетил
амбулаторию и наркодиспансер, мне пока-
зали одного из первых новообращенных —
совершенно протрезвевшего Кузьму Пав-
кина. Я поговорил с этим занятным че-
ловком. А затем в своей корреспонденции,
напечатанной в газете, между прочим рас-
сказал и об этом протрезвлении.

После выяснилось, что товарищ, по-
казывавший мне Кузьму, несколько пото-
ропился. В день моего отъезда он отчая-
но написал. Но статья была уже на-
печатана, и Кузьма оказался прослав-
ленным вместе с испившим его дис-
пансером. Газета пришла в городок. Все
прочли статью. Прочел ее и Кузьма. Он
был потрясен. Так, прямо, печатными бук-

Путь к победе

А. Н. ТОЛСТОЙ НАПИСАЛ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПЬЕСУ ИЗ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ «ПУТЬ К ПОБЕДЕ»...

Шадрин — из пьесы М. Погодина «Человек с ружьем». Рис. П. Алякринского. Давыдов — из романа М. Шолохова «Поднятая целина». Рис. А. Паффлюва.

ВЕРА ИМБЕР

В Грузии

Возут к столу. А там уж в три ряда... О милых сердцу или в себе, О человеке и его судьбе. НАШ ХОЗЯИН-РЕДАКТОР (поэт) Газетный лист — он немудрен на вид...

Шепотом телеграф на полустанке Суковинно. За окнами — ослепшая буря. У аппарата — уют, в пилоне, в солдатском попонном. Около него командир раз'езда, поручик Вурм. Около другого стола сидят в расцветившей бешке командант бронепоезда...

Лихошерстов. А в чайнике что у тебя? ВУРМ. Чай... ЛИХОШЕРСТОВ. Чай... Случно... ВУРМ (возвстает). Откуда? ЮЗИСТ. Касторная. Штаб группы генерала Поставского, ваше благородие. ЛИХОШЕРСТОВ. А в той склянке что у тебя? ВУРМ. Черника. ЛИХОШЕРСТОВ. Черника... Случно... ВУРМ (подходя к ошпоку). Собачья погода... какой ветер — жутко... Какой снегопад!

БУДЕННЫЙ. Стучи отче наш... (Вурму). Ваша фамилия? Или? Отчество? ВУРМ. Вурм Карл Оттович... КОМДИВ. (удивленно). Гу! Как поборал! БУДЕННЫЙ (связисту). Стучи: «У аппарата командант раз'езда Суковинно Карл Оттович Вурм. Четвертая дивизия Буденного пошла на Суковинно. Несмотря на снежную метель, противник сильными раз'ездами атакует наши заставы...» КОМДИВ. Ну, скажи — лихо атакует... БУДЕННЫЙ (ходит, хихикает). «Повидимому, при дивизии находится сам Буденный»... КОМДИВ (расправляя усы). И Тарас Иванович. Помнишь про меня-то... БУДЕННЫЙ. «Весь батальон охраны введен в бой. Прошу помощи: немедленно вернуться в Суковинно бронепоездом «Слава офицерам». Точка. Одновременно буду просить у генерала Шкуро в помощь — пехотный полк...» КОМДИВ. Ну же, прибавь еще кавалерийскую бригаду — что стоит! За одно их тут кончим! (Буденный взглянул на него). Ага! БУДЕННЫЙ. «О дальнейшим буду вас ставить в известность. Поручик Вурм...» ВУРМ (вытирает лоб). Боже мой, боже мой... КОМДИВ (Вурму). Все равно тебе у белых больше не служить. ВУРМ. Так точно — больше не служить. КОМДИВ. Ты что — кадрыгой? ВУРМ. Так точно. Лейб-гвардия Финляндского полка. КОМДИВ. Гу! БУДЕННЫЙ (связисту). Что отвечает генерал Поставский? АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ (отрывая ленту). Генерал отвечает: «Хорошо, бронепоезд «Слава офицерам» через пятнадцать минут будет в Суковинно». Постой, он что-то про Мамонтова вступал. (Разбирает). «Не могу добиться связи с генералом Мамонтовым». БУДЕННЫЙ. Вот это ловко! Это удачи! АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ. «Свяжитесь сами с Мамонтовым и ответьте мне, когда вывозите его. Генерал Поставский». БУДЕННЫЙ. Стучи: «Хорошо, сейчас попытаюсь вызвать генерала Мамонтова и тогда вам скажем. Поручик Вурм». ВУРМ. Боже мой, боже мой... БУДЕННЫЙ (комдиву). Тарас Иванович... пойдя подготовь встречу бронепоезда... КОМДИВ. Можно. Встретим. (Уходит). БУДЕННЫЙ (связисту). Вызывай от имени Мамонтова штаб генерала Шкуро. АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ. Семен Михайлович, ты что — все силы белых хочешь стяннуть к Суковинно? БУДЕННЫЙ. Мы не спрашиваем, сколько врага, а где он? А где ему быть — я сейчас укажу... АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ. Готово! «Штаб генерала Шкуро. У аппарата начштаба...» (Вурму). Фамилия его? ВУРМ. Полковник Стабесов, Николай Николаевич... БУДЕННЫЙ (диктуя). «У аппарата генерал Мамонтов. Здравствуйте, Николай Николаевич. С частью моего корпуса я нахожусь на полустанке Суковинно. Положение обостренное. Требу помощи. Вышлите пехотный полк. Высылайте немедленно. Генерал...» ВУРМ (поспешно). Генерал майор... БУДЕННЫЙ. «Генерал майор Мамонтов... (Пауза). Какой ответ? АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ (читая ленту). «Слушаюсь, сейчас вышлю пехотный полк, полковник Стабесов». БУДЕННЫЙ. Очень приятно. КОМДИВ (входит). Е приему бронепоезда все в порядке. БУДЕННЫЙ. Тарас Иванович, готовь встречу Шкуро. КОМДИВ. Лай свернуть. БУДЕННЫЙ (связисту). Свяжись со штабом генерала Улага. КОМДИВ. Лай встречи Шкуро могу выдержать четыре часа. БУДЕННЫЙ. Мало. КОМДИВ. Люди с утра не ели! Семен Михайлович, пуская подзаряжается. А этих я уж подкормил из здешнего бюджета. (Комдив отходит к адъютанту и дает ему распоряжение). СВЯЗИСТ. Готово! Штаб Улага. У аппарата генерал Улага. БУДЕННЫЙ. Вот это замечал! (Вурму). Как его зовут? ВУРМ. Генерал-майор Георгий Михайлович Улага. КОМДИВ (Вурму). Он что — алкоголик? ВУРМ. Это есть. Так точно. КОМДИВ (Буденному). Все в порядке. Не стесняйся. БУДЕННЫЙ (связисту). Стучи: «У аппарата комкор Мамонтов». КОМДИВ (подражая). У аппарата комкор Мамонтов, чудо-генерал... (Все смеются). АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ. Улага отвечает: «Здравия желаю... Мишка, какой чорт тебя занес в Суковинно? Если с перепою — присылай скорей ко мне поправляться». КОМДИВ. Самый генеральский разговор! БУДЕННЫЙ. «Здравия желаю» (Вурму). Как я к нему обращаюсь? ВУРМ. Можно — фамильярно: мой шер... КОМДИВ. Не говори непонятного. БУДЕННЫЙ (Вурму). Смотри... (диктует): «В семнадцать часов меня атаковал Буденный крупными силами и вынудил меня отступиться к станции Суковинно, где я в данный момент нахожусь. Я отчаянно сопротивляюсь при поддержке двух бронепоездов». КОМДИВ. Дух! Замететь, ребята — дух... Ну, и артист! БУДЕННЫЙ. «Нужна зима срочная помощь. Обязательно до рассвета, не менее одного стрелкового полка... Жду у аппарата. Мамонтов». АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ. Семен Михайлович, ты с ума сошел! Вызвал еще пехотный полк... Зачем ты их сюда стягиваешь? Что мы будем с ними делать? БУДЕННЫЙ. Тебе известен приказ

Кочубей — из романа А. Перенцевича
Рис. Д. Рубинштейна

Иван Гора — из романа А. Н. Толстого
«Хлеб»
Рис. А. Панфилова

НОВАЯ ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Архитектору и скульптору сказали: постройте здание, в котором будут жить 12 миллионов книг.

Строители предупредили, что жильцы будут очень требовательны. Им понадобятся, во-первых, абсолютно чистый воздух, во-вторых, определенная, точно установленная влажность этого самого воздуха, в-третьих, безукоризненная связь между всеми вакуумными зданиями, в-четвертых, особое освещение, в-пятых, особое отопление и т. д. и т. д.

Архитектору и скульптору сказали: в этом здании советский человек будет встречаться с книгой. Пусть ничто не мешает ему. Обставьте их встречу так, как она того заслуживает.

Таким образом, перед строителями нового здания поставлена была трудная и увлекательная задача — воздвигнуть самое величественное в мире книгохранилище, достойное носить на фронтоне имя Ленина.

И вот в октябрьском убранстве Москвы 1938 года мы видим еще одно сооружение, которое украсит нашу столицу.

Только что сняты леса с фасада нового здания Государственной библиотеки имени Ленина.

Из вестибюля главного корпуса посетитель может направиться в любой читальный зал — военный, технической, сельскохозяйственной, научной, национальной литературы. Поднявшись на второй этаж, он войдет в главный читальный зал. К его услугам также зал периодической литературы, спокойные кабинеты для научных занятий, для работы над рукописями.

Все здание состоит из пяти корпусов. Четыре из них почти целиком предназначены читателям. Милости просим — входите, требуйте любую книгу, усаживайтесь поудобнее за стол, придвиньте лампу с зеленым абразуром и не пользуйтесь часами: ждать придется совсем недолго. Вашу заявку пневматическая почта уже доставила в пятый корпус. Через пять, самое большее восемь минут нужные вам книги, покинув спокойные полки храни-

лища, примчатся в читальный зал и отыщут вас.

У двенадцати миллионов книг будет очень беспокойная жизнь. Все усилия строителей направлены именно на то, чтобы как можно чаще тревожить обитателей книгохранилища. Множество лифтов, пневматическая связь, электрокары позволяют добраться до любого, самого отдаленного закоулка девятиэтажного хранилища.

В каждом строительном этаже размещаются два так называемые стеллажные этажа, состоящие из вертикальных металлических стоек высотой в 2,25 метра (только очень низкорослые сотрудники хранилища вынуждены будут прибегать к передвижным лестницам). Между этими металлическими стойками расположилось книжные полки длиной в 1 метр и шириной в 24 см.

Тут, в этом святом святых библиотечном, хотелось сделать все из металла. Но выяснилось, что книга не любит стоять на металлической подставке. Удобнее всего чувствует себя она на простой, отполированной деревянной полке. Пришлось поэтому отказаться от металла и предоставить книгам деревянные полки.

Поражаться приходится, сколько опасностей окружает книгу, мирно покоящуюся на полке. Тут и пыль, развещающая бумагу, и страшный жучок, и солнечный ультрафиолетовый луч, губящий даже самые толстые и неубогаемые томы, и наконец сухой, лишенный влаги воздух, вредно отражающийся на здоровье прочнейших фоллиантов.

Надо уберечь книгу от преждевременной старости, продлить ее жизнь, оградить ее от всех опасностей, от всех врагов. Новейшие достижения техники привлекли к решению этой важной проблемы. Драгоценные рукописи и инкунабулы, так же, как и скромные однодневные брошюры, будут окружены заботой и неусыпным вниманием, все получат абсолютно чистый, профильтрованный, строго кондиционированный воздух с влажностью от 55 до 65 процентов, всех будут периодически ос-

матривать и оберегать от грибка, от плесени, от жука-лучинки специалистами по «книжной санитарии».

Авторитетная комиссия рассматривает сейчас очень важный вопрос о вреде дневного света для книг. Признано уже необходимым категорически закрыть доступ в книгохранилище солнечным лучам. От Научно-исследовательского института лако-красочной промышленности ждут рецепта специального состава, которым можно будет покрыть окна книгохранилища, сделать их непроницаемыми для ультрафиолетовых лучей. Но как быть с дневным освещением? Утверждают, что оно опасно для здоровья книги. Можно было бы совсем затян timer платными шторами все окна, перейти на искусственное освещение. Но вот беда — книга требует постоянного режима. Удлин часов в читальном зале, она волей-неволей попадет в другую обстановку, дневной свет коснется ее страниц. Постоянство режима нарушится. Не вызовет ли резкий переход от искусственного к дневному свету еще более тяжкие последствия, чем постоянный дневной свет на стеллажах книгохранилища?

Вопрос еще не решен, кое-что здесь не совсем ясно, специалисты ищут, размышляют, экспериментируют. Дело идет об огромных культурных ценностях страны. Новое здание библиотеки соединено уже подземным тоннелем со старым Пашковским домом. Здесь будет храниться часть редких книг, сюда же перейдет детский, музыкальный и картографический раздел библиотеки. Для того, чтобы представить себе, насколько вместительнее старое будет новое здание, достаточно взглянуть на следующие цифры: объем старого здания — 50.000 куб. метров, нового — 290.000 куб. метров; читальный зал старого здания вмещает 450 человек, в новом здании одновременно смогут пользоваться услугами библиотеки в ее читальных залах свыше 2000 человек. Предлагают, что ежедневно библиотека сможет обслужить до 10.000 посетителей.

Левинсон — из романа А. Фадеева «Разгром»
Рис. М. Аксольрода

Героини-летчицы в гостях у писателей

3-го ноября московские писатели встречали в своем клубе дорогих гостей — Героини Советского Союза Полину Денисовну Осипенко и Марину Михайловну Раскову, парашютистов-орденоносцев Н. А. Полежаев и М. А. Еремину и вострота П. ранга орденосна — П. С. Тихонов. Товарищеский ужин прошел в оживленной беседе.

Писатели больше и глубже о наших замечательных людях, о нашей прекрасной родине.

От имени писателей М. Шагиння обещала выполнить наказ героинь-летчиц.

— Когда я узнала о награждении нас званием Героев Советского Союза, — говорит М. Раскова, — мною овладела такая радость, такая гордость за советскую женщину, что передать это словами невозможно.

От имени писателей гостей приветствовали В. Герасимов, А. Караваев, В. Игбер.

С большой, прочувствованной речью выступила П. Д. Осипенко.

— Удачно закончившись перелет, — говорит она, — это не только наша заслуга, это заслуга многих и многих — и конструкторов самолета, и рабочих, и организаторов полета, и отважных парашютистов, и связистов, и всего советского народа...

Разве можно без волнения вспомнить эту незабываемую встречу на всем протяжении — от тайги до Бреста?

П. Осипенко призывает писателей больше и ярче писать о наших людях, о наших советских людях, которые в нужный момент становятся героями.

С таким же призывом к писателям обратилась и М. Раскова.

Марина Михайловна рассказывает об интереснейших встречах с людьми, о богатейшей природе Дальнего Востока, о скромных и отважных жителях тех мест, над которыми летел самолет «Родина».

— Я надеюсь, — заканчивает М. Раскова, — что не только 10 дней блужданий по тайге будут интересоваться писатели, описывая перелет, но и всем, что нас окружало, всем, кто нам помогал.

ДРУЖЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ

НА ФАДЕЕВА

© 1934 года работало над романом «Последний из удагов» (По автобиографии).

Отец мой стал читать Фадеева роман 15 лет назад и, полон нетерпенья, Ждал следующих глав, волнением обуян, И умер, не дождавшись продолженья. Я, сын его, счастливее отца: Дождался новых глав и жду-пожду «конца».

Его все нет как нет... Подросток уж мой сыниска...

Все пишется фадеевская книжка!

НА ПАВЛЕНКО

Соавторов себе я подобрал Разнообразных; список их — не мал; В содружестве пишу благоговейно Я с Лениным Борисом, с Эзенштейном И — с Синклером. Желаю горячо Соавторов хотя бы двух еще! Кого же выбрать? В будущем я скором Свяжусь с Рабиндранатом и с Тагором.

НА КРИМОВА

Определить его натуру Легко без длинных лекций: На танкере «Дербент» в литературу Он в'ехал без протекций.

НА Л. СОЛОВЬЕВА

Не знает он покою: Сплелся «ура» с «долой!» Те — дают похвалую, А те — сплошной хулой. — «Отдайте мне предпочтенье Какой из двух сторон?» Высокое давленье Испытывает он!

НА МИХАЛКОВА

Дядю Степу я люблю, Дядю Степу я хвалю. Говорю я, не краснея: Очень я люблю Диснея. И у дяди Тэвза Марка — Замечательная марка. Дяди всякие важны, Дяди всякие нужны!

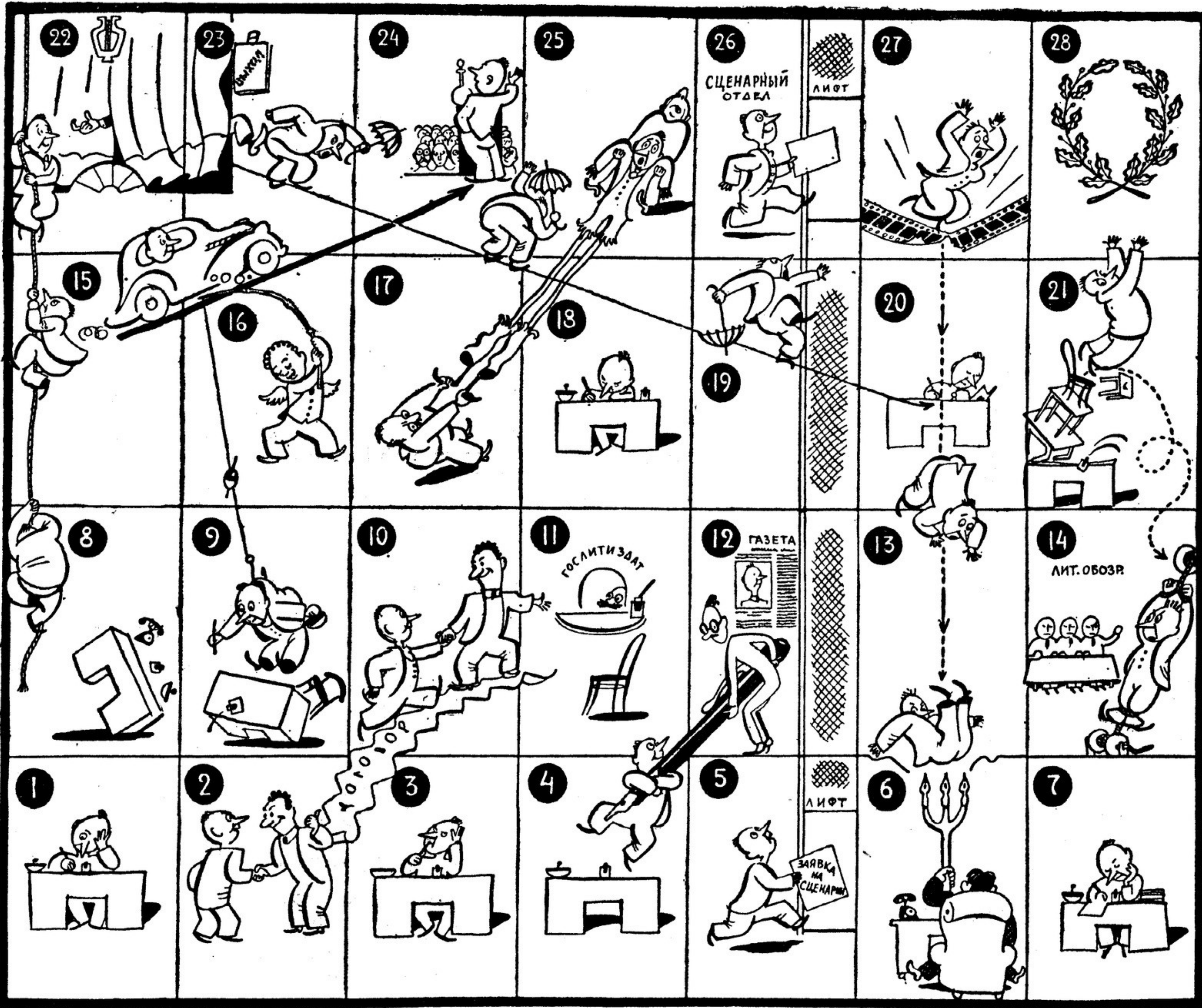
Литературная газета

«Старайся вверх!»

(Несложная, но азартная литературная игра)

Текст А. Раскина и М. Слободского

Рис. К. Ротова

ОБРАЩЕНИЕ К ИГРАЮЩЕМУ

Писатель! Пред тобой игра — Дороги ала, пути добра, Подъемов и падений ряд... Итак, глаза твои вперед, Ты лавры чуеть вперед, Но стой, несчастный! Погоди! Остерегайся искушенья! Не догловечко возмущенья. Грозят провалы и крушенья. Одумайся и не ходи! Но ты не слушаешь советов, Бросаешь кости, диск любви... Ну, что ж — ищи лавровых веток, Пеняй на самого себя!

1 Роман ли, повесть — неизвестно, — Но ваяв традиция на слом, Сидит писатель за столом И пишет... Очень интересно!

2 Здесь встречаются друзья. — Ты ли это? — Это я. — Сколько зим? — И сколько лет! — Ты попрехнему поэт? — Нет, редактор... Ты? — Писатель. — Очевидно, — Очевидно, — Ты попрехнему неведок? — Есть уж книга? — Заголовочек. — И наверно до сих пор Не подписан договор? — Нет. — Подем! И вот писатель Вместе с другом в Госиздате.*

3 «Писать? Пожалуйста, — могу! Зачем же прозу непременно? Я труд и время берегу, В гостях у доброй Мельпомены.*» Там хорошо. Там рампа светит, Там критика скорей отметит.

4 Ласковый критик, ангел-хвалитель, Глазки замурюте, славно твердит: «О, сочинитель, вверх не хотье-ль?» Всех поднимает*) наш эрудит.

5 Благослови судьбу свою, Ты попадаешь в интервью! И вот уже идет в печать, Что книгу ты сумел написать, Что ты художник, ты поэт, Ты, ты!... И сбоку твой портрет.*

6 Как он опрытан, как он приятен, Как безмятежны эти статьи: «Роза без терний», «Солнце без пятен» — Приторной меда, слаще кутьи. Кому не приятны такие подвемы? Вчера был коллибри. Сегодня ореп! Герой к похвалам улетает. А дома Стоит в одиночестве письменный стол.

7 Пора, пора — гулять авто! Книжку сунутое на пропанье, Схватив гапоши и пальто. Герой спешит на совещанье.* Он бодро говорит о том, Каким родится новый том, Каким предпочтает метод, Как замышляет опус этот, Как сомневался, как искал И как загадкие писал.

8 «Писать? Пожалуйста, — могу! Зачем же прозу непременно? Я труд и время берегу, В гостях у доброй Мельпомены.*» Там хорошо. Там рампа светит, Там критика скорей отметит.

9 Ласковый критик, ангел-хвалитель, Глазки замурюте, славно твердит: «О, сочинитель, вверх не хотье-ль?» Всех поднимает*) наш эрудит.

10 Как он опрытан, как он приятен, Как безмятежны эти статьи: «Роза без терний», «Солнце без пятен» — Приторной меда, слаще кутьи. Кому не приятны такие подвемы? Вчера был коллибри. Сегодня ореп! Герой к похвалам улетает. А дома Стоит в одиночестве письменный стол.

11 Пора, пора — гулять авто! Книжку сунутое на пропанье, Схватив гапоши и пальто. Герой спешит на совещанье.* Он бодро говорит о том, Каким родится новый том, Каким предпочтает метод, Как замышляет опус этот, Как сомневался, как искал И как загадкие писал.

12 Как он опрытан, как он приятен, Как безмятежны эти статьи: «Роза без терний», «Солнце без пятен» — Приторной меда, слаще кутьи. Кому не приятны такие подвемы? Вчера был коллибри. Сегодня ореп! Герой к похвалам улетает. А дома Стоит в одиночестве письменный стол.

13 Кто в это место попадет, Тот пропускает ход и год, И став причиной раздора, Теперь оправится не скоро. Его суровый критик держит.* А добрый критик тянет вверх!*) Он будет полнят из низвержен, Поди, попробуй, разберись.

14 Как муха к сладкому варенью, Тянуло автор за венком,

15 Познав безмолвие партера, Стеная, плача и смеясь, Он понимает, что премьера Не удалась, не удалась. И выдвиг из души заново, Вновь обращает взор на прозу.*

16 Кто в это место попадет, Тот пропускает ход и год, И став причиной раздора, Теперь оправится не скоро. Его суровый критик держит.* А добрый критик тянет вверх!*) Он будет полнят из низвержен, Поди, попробуй, разберись.

17 Как муха к сладкому варенью, Тянуло автор за венком,

18 Хвала тебе, веноч лавровый, Нет, нет — тебя не забурт Те, для кого деиз основов: «Литература — легкий труд.» К путям проторенным стремленью Не даст им над тобой власть. Чем легче было возмущенье, Тем легче было вниз упасть! Хвала тебе, веноч лавровый, Пусть ты достанешься тому, Кто често, вдумчиво, сурово Оттесня в делу своему.

19 Как муха к сладкому варенью, Тянуло автор за венком,

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА В ДОМЕ ПИСАТЕЛЯ ИМ. МАЯКОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.), 1 ноября открылся сезон в Доме писателя им. Маяковского. Вечер собрал много писателей. Среди гостей депутаты Верховного Совета СССР — народная артистка СССР Корчагина-Александровская и академик Байков, депутат Верховного Совета РСФСР Стаханов-орденоносец Мартков, художники, артисты, композиторы, летчики, командиры Военно-Морского Флота...

До начала программы писатели и гости осматривали открытую в гостиничном клубе выставку картин и рисунков Пахомова, Гринберга и Тимошенко.

С большим подъемом прошел просмотр нового фильма «Человек с ружьем». В концертной программе участвовали Корчагина-Александровская, Галдаров, Грановская, солист Филармонии Флак и др. А. Флит прочел литературные пародии и эпиграммы. Композитор Соловьев-Седой исполнил отрывки из новых оперы и балета. Для артистов Умана и Беньяминова был написан концерт на литературные темы. Правда, текст концерта не всегда был достаточно остроумно, но в этом талантливые артисты не виноваты.

В будущем правление Дома писателя им. Маяковского обещает регулярно проводить литературные вечера, дискуссии, просмотры новых кинокартин, концерты... Хотелось бы, чтобы в Доме писателя, на примере московского писательского клуба, регулярно проводились товарищеские встречи с представителями науки и искусства, со знаменитыми людьми страны. На программа этих встреч должна состоять не только из концертов «с участием лучших артистических сил», но и из выступлений писателей, читающих свои новы (хочется сказать и лучшие) произведения. Вот этого — голоса писателя — и не хватало на первом вечере Ленинградского Дома писателя.

А в общем вечер прошел оживленно.

ДРУЖЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ

А. К. ТОЛСТОЙ — А. Н. ТОЛСТОМУ

Баллада

...Легит на столе материалу гора, Растет фоллиантов громада. И пишет, и пишет Толстой до утра, Но нет средь бумаг третьей части «Петра»...

Ой, ладо, ой, ладушки-ладо! Стоит у дверей в ожиданьи народ, И гложет страдальца досада, Но автор комедью в театр несет, Но автор в кино свой сценарий сдает...

Ой, ладо, ой, ладушки-ладо! Толстого нельзя оторвать от пера, Душа его творчеству рада. Читатель взывает: «Пора, брат, пора! Дождется ли мы третьей части «Петра»?»

Ой, ладо, ой, ладушки-ладо! Ты, гой-еси, автор Толстой Алексей, Читателя послушать надо. Тревогу его третьей частью рассей, Кончай, Алексей, ты «Петра» поскорей... Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

НА БАБЕЛЯ

Работать — никогда не поздно. Молчащим мы тебя прозвали не просто ль? «Назад к Островскому!» — ты восклицашь грозно И закалешься, как сталь.

НА КАТАЕВА

Критический единодушен стан — Катаеву пришлось от рецензентов туго: Ругая пьесу, хвалят все роман! Милльон терзаний!! Кадратура кругам!

НА ТЫНЯНОВА

Тынянов — самых честных правил: «Роман закончить? Дайте срок!» Он ждать читателя заставлял И хуже выдумать не мог.

НА ОЛЕШУ

Его попутал, видно, леший, Давно уж он пера не брал, Пятак зависть он к Олеше, Который «Зависть» написал.

НА СОБОЛЕВА

И недовольный, и печальный, Читатель твой ворчит все лучше: Ремонт прервал ты капитальный, Возьмись хотя бы за технику!

ТЕАТРАЛЬНОМУ ЗРИТЕЛЮ

В ближайшем репертуаре Камерного театра повзросл предидущий яло.

Ты должен по-рыцарски встретить беду, — Ведь смеется ценнее всего в человеке. Мужайся: и в будущем будет году, Что было давно, — еще в Камерном веке! Михаил Пустынин